

ИНТЕНСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

© 2016 Ткаченко Сергей Александрович

Институт законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве Российской Федерации

117218, г. Москва, Б. Черемушкинская ул., д. 34

E-mail: tkachenko.s.a.@yandex.ru

Формирование права - это длительный исторический процесс, который проходит ряд этапов. Исходным звеном в сложном процессе формирования правовых систем выступает так или иначе идеологизированное выражение интеграционных процессов различного уровня, через них обеспечивается согласование социально оправданной свободы конкретной личности и интересов культурно-исторической общности, в рамках которого она функционирует. Данный подход получает развитие в настоящей статье через раскрытие экономического взаимодействия как фактора формирования правовых систем.

Ключевые слова: право, правовая система, формирование правовой системы, правовой генезис, интеграционные процессы, экономическая интеграция.

Современному человеку сложно представить, что когда-то права не было. Он рождается и умирает в обществе, для которого право есть развитой социальный механизм, обеспечивающий его (человека) взаимодействие с другими участниками общественных отношений. За этой кажущейся обыденностью права теряется его восприятие как саморазвивающегося явления, его постоянная трансформация, сущностное усложнение. Вместе с тем если взглянуть на право как бы со стороны, то очевидным станет, что правовые системы постоянно находятся в движении: одни правовые системы изменяются, другие исчезают и постоянно возникают новые. Действительно, появление новой правовой системы не должно рассматриваться как нечто сверхъестественное. Например, с прошедшим 2015 г. связано возникновение как минимум одной новой правовой системы. Так, с 1 января 2015 г. вступил в силу договор о создании Евразийского экономического союза¹ - международной организации региональной экономической интеграции, в рамках которой началось развитие новой наднациональной правовой системы.

Последовательное рассмотрение правового генезиса позволяет выдвинуть тезис о том, что именно экономическая интеграция является базовой предпосылкой формирования правовых систем различного уровня, обеспечивающих обменные и распределительные процессы, которые и выражают ее (экономической интеграции) сущность.

Интересно, что в последние годы вопросы экономической интеграции выдвигаются на ведущие места в юридических исследованиях. Как на общетеоретическом, так и на прикладном уровне эти вопросы привлекают все большее внимание различных исследователей. К настоящему моменту представляется возможным даже систематизировать различные точки зрения в части понимания сущности экономической интеграции, выделив пять основных подходов к этому вопросу: 1) интеграция как форма интернационализации экономических отношений; 2) интеграция как международное экономическое сотрудничество; 3) интеграция как субординация в экономической сфере на наднациональном уровне; 4) интеграция как координация и субординация в экономической сфере на наднациональном уровне; 5) интеграция как комплексное социальное явление, отражающееся в различных областях общественной жизни.

Данные подходы не должны рассматриваться как противостоящие один другому. В большей степени они взаимно дополняют друг друга, обеспечивают наиболее полное раскрытие рассматриваемого понятия, акцентируя внимание на его различных сторонах. Вместе с тем при их анализе в первую очередь необходимо учитывать предпосылки научного интереса юристов к экономической интеграции. Не случайно, что до последнего времени данный термин практически не использовался представителями юридической науки, не считая отдельных публикаций по международному и международно-

му частному праву². И вот начиная с 2013 г. эта заимствованная у экономистов категория становится одной из наиболее часто встречающихся в юридических исследованиях. У данного обстоятельства существует очевидное объяснение. Именно в это время завершается процесс вхождения Российской Федерации во Всемирную торговую организацию и активизируются интеграционные процессы на постсоветском пространстве, результатом которых стало создание Таможенного союза Евразийского экономического сообщества в составе России, Белоруссии и Казахстана, а в дальнейшем преобразование самого Сообщества в Евразийский экономический союз. Закономерным результатом этих обстоятельств стал акцент на международном (наднациональном, транснациональном) характере экономической интеграции.

Такой подход допустим в отдельных прикладных контекстах. Однако на общетеоретическом уровне рассмотрение исключительно наднациональной институционализации экономической интеграции влечет необоснованное сужение данного понятия, выхолащивание правогенерирующего начала в нем. В этой связи, прежде чем приступить к теоретическим рассуждениям о функциональной зависимости между экономической интеграцией и генезисом правовых систем, необходимо вновь вернуться к истории возникновения права как такового.

В различных регионах Земли в разное время начался процесс возникновения государства и права. Как правило, через него опосредовался переход от варварства к цивилизации (в терминологии Л.Г. Моргана и Ф. Энгельса). В тех случаях, когда условия для него были наиболее благоприятными (Древний Египет, Междуречье, Древний Китай), начало данного процесса приходится на рубеж каменного и бронзового веков. В большинстве же случаев речь идет о рубеже бронзового и железного веков.

Наиболее полно юридические аспекты данного процесса изучены применительно к римскому праву, что обусловлено его значением в формировании современных правовых систем.

Нас здесь интересует на первый взгляд весьма технический вопрос - пределы действия права (правовой системы). Современные правовые системы, институциональная основа которых представлена суверенным национальным государством и позитивным правом, как правило, "трехмерные". Их действие ограничивается по кругу лиц, в пространстве и во времени. Второе ограничение связано с

территориальной ограниченностью (локализацией) суверенного национального государства. Третий же предел обусловлен спецификой позитивного права, имеющего установленные временные границы. Однако так было не всегда. Данный подход сложился только в последние века. До этого правовые системы были "одномерными", их действие ограничивалось только по кругу лиц, а в его основе лежала община (полис, *civitas*).

Однако наиболее последовательно указанная связь между общиной и соответствующей правовой системой прослеживается в работах римских юристов. Согласно их воззрениям все свободные люди в зависимости от *Status civitatis* делятся на римских граждан (*civis Romanus*), т.е. членов Римской общины, и неграждан (*peregrinus*), т.е. лиц, не входящих в нее. Первоначально даже плебеи, т.е. пришедшее население Рима, не признавались *civis Romanus*. Так, известный российский юрист, специализировавшийся в области римского права, И.А. Покровский отмечал: "...основным принципом древнего римского, как и всякого вообще древнего, права было правило, что только римский гражданин, только *civis Romanus* пользуется защитой права; только *civis Romanus* может быть, поэтому, членом гражданского общества и субъектом права. Всякий негражданин, всякий иностранец, принципиально рассматривался как *hostis*, как враг, **стоящий вне правового общения** (курсив наш. - С.Т.), могущий быть захваченным в плен и, таким образом, быть превращенным в раба. Известную защиту он мог приобрести себе только обходным путем в виде клиента. Это исключение иностранцев от правового общения касалось не только прав политических, но и прав гражданских: правовую защитой пользовался человек только потому, что он гражданин. Вот почему *Status civitatis* являлось в глазах римских юристов непременным условием гражданской правоспособности"³. Историю Древнего Рима невозможно понять без учета фактора борьбы неграждан за приобретение прав *civis Romanus*, т.е. распространение на них действия римского права как правовой системы. Впервые этот фактор дал о себе знать во времена исходов плебеев из Города как средства их борьбы за гражданские права. Его действие закончилось только на рубеже принципат и домината, когда в 212 г. Каракалла, стремясь юридически закрепить свою исключительность как императора, предоставил римское гражданство всему лично свободному населению Империи. Огромное значение в этом процессе также сыграло Хрис-

тианство, рассматривавшее всех своих последователей как единую общину, а территорию, на которой они проживают, как Христианский мир. В дальнейшем такой подход был заимствован и исламом⁴.

Аналогичные примеры можно привести и применительно к генезису других правовых систем. Об ограниченности действия конкретной правовой системы рамками соответствующей общины говорится и в таких источниках раннефеодального права, каковыми выступают «варварские правды». Частично данный подход сохраняется и в некоторых действующих правовых системах, генезис которых правда насчитывает несколько тысяч лет. Так, М. Элон особо подчеркивает связь, существующую между еврейским правом и еврейской общиной, указывая при этом на то, что еврейский народ длительное время не имел собственной государственности, но сохранил собственную правовую систему, действовавшую в пределах всей еврейской общины⁵.

Закономерен вопрос: что же представляет собой община? На него существует множество ответов, обусловленных в первую очередь мировоззрением авторов. Встречаются весьма экзотические, в рамках которых община противопоставляется гражданскому обществу⁶. Предмет настоящего исследования не предполагает их детального анализа. Здесь община должна быть рассмотрена как среда экономического общения людей между собой. В таком качестве она исследуется в рамках такой области знаний, как экономическая антропология⁷, отдельные выводы которой представляются интересными для дальнейшего раскрытия избранной темы.

Принадлежность к определенной общине является универсальной потребностью человека. Первоначально общины формировались по родовому признаку. В дальнейшем они стали соседскими. И наконец, территориальными. Собственно гражданское общество по Гегелю и есть высшая форма развития территориальной общины применительно к условиям развития капитализма в Западной Европе. В современном мире вновь возникшие условия общественного развития вызвали изменения в традиционных формах общины. В частности, община утрачивает свою территориальную локализацию и переходит в виртуальное пространство. Однако сохраняет свои базовые характеристики, в соответствии с которыми она представляет собой общественную систему, содержащую сеть структур, взаимоотношений и форм продолжительной

коммуникации между ее членами. Можно выделить различные функции общины: (1) формирование и функционирование системы услуг; (2) социализация; (3) общественный контроль; (4) социальное взаимодействие и поддержка. Через общину удовлетворяются разнообразные потребности человека: (1) экономические (производство, обмен, распределение, потребление); (2) физические (в области здравоохранения, питания, жилья, транспорта, инфраструктуры, коммуникации и т. д.); (3) социальные и эмоциональные (ощущение качества жизни, уверенность в будущем и т. д.); (4) политические (механизмы принятия решений, согласованные процессы и процедуры регулирования общинной жизни, определение границ общины и управление взаимоотношениями с внешней средой); (5) образовательные и информационные (осознание процессов в общине, реакции на среду, социальные перемены, социализация). Экономические потребности не случайно поставлены на первое место, поскольку именно взаимная потребность в организации обмена и распределения, отчасти совместного производства и потребления побуждает людей к объединению в общины. Интеграционные процессы более высокого уровня побуждают общины объединяться в государства, а государства - сотрудничать между собой на региональном и глобальном уровнях. В результате возникают нации и международное сообщество.

Главной причиной, обуславливающей стремление людей объединяться в общины как при первобытнообщинном строе, так и в современных условиях перехода от модерна к постмодернистской культуре является то, что община позволяет им улучшить качество их жизни через развитие системы разделения труда. Община, таким образом, формируется на добровольной основе и определяется самосознанием своих членов.

Теперь представляется целесообразным вернуться к теоретическим рассуждениям о сущности интеграционных процессов. Сам термин «интеграция» (лат. *integratio* - восстановление, восполнение, от лат. *integer* - целый) означает такое объединение двух или более частей, в результате которого в процессе развития образуется единое целое. В научный оборот этот термин первоначально был введен в математике в конце XVII - начале XVIII в. Г. Лейбницем и И. Бернулли. Так, Лейбниц, открыв (одновременно с Ньютоном) интегральное исчисление, полагал, что оно отражает некий всеобщий закон природы. По его мнению, через ин-

тегрирование бесконечно малых величин можно вывести саму формулу жизни⁸. В иных областях знаний понятие интеграции начинает широко применяться с середины XIX в., когда проблема целостности стала превращаться в одну из центральных в философии и в науке сложилось синтетическое представление о целом, взятом в его частях и взаимосвязях. Новое целостное представление о мире явилось основой развития новых, соответствующих ему теорий во многих областях знаний. Рассматриваемая категория была прочно воспринята не только точными, но также естественными и гуманитарными науками. Прошлый век ознаменовался интеграционными процессами в самой науке, когда на стыке традиционных областей знаний начали формироваться новые, что стало результатом проникновения физико-математических методов в другие науки - в изучение живой природы и общества. К настоящему времени сложилось устоявшееся научное представление о целом как философской и научной категории⁹, выдвинувшее такие проблемы, как уровни интеграции, их иерархия и т.п.

В отечественной науке первоначальное включение такой категории, как интеграция, в научный оборот приходится на советский период, что обусловило ее использование в рамках диалектического материализма, предполагавшего ее трактовку как процесса реализации всеобщих закономерностей развития природы и общества¹⁰. Однако рассматриваемая категория вышла за пределы данной методологической базы, найдя свое место в зарождающемся системном подходе, что было обусловлено необходимостью расчленения всеобщего и особенного в биологических, технических и социальных процессах развития. Результатом данной тенденции становится возникновение теории интегративных уровней, или уровней интеграции, согласно которой развитие рассматривается как непрерывное, потому что никогда не прерывается, и как прерывное, потому что проходит через ряд качественно специфических уровней - физический, химический, биологический и социальный¹¹.

Полиаспектность понятия интеграции обусловила интерес к ней в нашей стране со стороны представителей практически всех отраслей знаний. Так, в отечественной юриспруденции используется термин "правовая интеграция" в значении объективного проявления социально-психологической потребности сообществ к сближению¹². При этом правовая интеграция включает в себя: правовую сферу и нормативный объем интеграции; субъектов интег-

рации; юридический инструментарий. Данный подход предполагает рассмотрение интеграции как инструмента, который обеспечивает реализацию процессов сближения, различных по своей природе. Право способствует развитию, усовершенствованию определенных интеграционных институтов, упреждает негативные проявления процессов экономического сближения - нелегальную миграцию, международный терроризм, транснациональную преступность и т.п. Но право само по себе не может влечь ни экономической, ни политической, ни какой-либо другой интеграции. Интеграция представляет собой самостоятельный объективный процесс социального взаимопроникновения, при котором право является одним из формально-структурных образований, обеспечивающих его (процесс социального взаимопроникновения). Развитие данного подхода идет по пути выделения различных интеграционных инструментов в праве. Так, Ю.А. Тихомиров предлагает около двух десятков таких средств¹³, а А.В. Егоров рассматривает их через общность юридических механизмов¹⁴. Однако общим во всех исследованиях в этой области остается их предмет - различные стороны международного сотрудничества.

В зарубежных официальных документах термин "интеграция" был впервые использован в так называемом "Плане Маршалла", одной из основных целей которого признавалась "интеграция Европы". Концепция такой интеграции, в числе прочего, предусматривала формирование наднационального координационно-субординационного механизма¹⁵. Интеграция как цель функционирования была предусмотрена и в отношении Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), образованного в результате договоренностей, достигнутых на Экономическом совещании в январе 1949 г. Болгарией, Венгрией, Польшей, Румынией, Советским Союзом и Чехословакией. Затем в СЭВ были приняты Албания (1949), Германская Демократическая Республика (1950), Монголия (1962), Республика Куба (1972) и Вьетнам (1978)¹⁶. Так, во второй половине прошлого века преимущественно в Европе сложилось два интеграционных механизма: (1) капиталистический - в рамках Европейского сообщества и (2) социалистический - в рамках СЭВ. Однако интеграционные процессы не были исключительно европейской прерогативой. Они получили широкое распространение еще в первой половине прошлого века в Панамериканском регионе, их интенсивность значительно возросла в 50-60-е гг. В 60-е гг. прошлого

века в результате национально-освободительного движения и освобождения от колониальной зависимости отдельные интеграционные тенденции обозначились также на Африканском континенте¹⁷.

На концептуальном уровне экономическая интеграция получила свое развитие преимущественно за рубежом, где сформировалось три научных подхода и соответствующие интеграционные модели: (1) функционализм, (2) федерализм, (3) транснационализм. Функционалисты (Д. Митрани, Э. Хасс, Л. Линдберг, Я. Тинберген и др.) интеграционные процессы рассматривают как следствие сближения отдельных лиц, социальных групп и государств по экономическим интересам. Причем, по их мнению, в ходе экономической интеграции осуществится естественный эволюционный переход от государственной власти к межрегиональной, а затем и к всемирной. В результате должно произойти постепенное отмирание национальных суверенных государств¹⁸. Федералисты (Ж. Моне, Р. Шуман, А. Этциони, А. Спинелли, К. Фридрих и др.), напротив, на первое место выдвигают сближение политических институтов государств при договорном отказе от централизма и распределении полномочий между центром и регионами¹⁹. Для транснационалистов (К. Дойч, Д. Пучала и др.) экономическое и политическое сближение представляет самоцель: главное, как отмечает К. Дойч, чтобы основные интересы государств, как политические, так и социокультурные, не противоречили друг другу, а наиболее общие из них были бы предсказуемы и прогнозируемы²⁰.

Таким образом, современные теории предлагают разные способы интеграции. Однако общим для них является безусловный акцент на международном сотрудничестве, интернационализации экономических отношений и политической жизни, наднациональной институционализации.

¹ О Евразийском экономическом союзе: договор от 29 мая 2014 года, подписан в г. Астана // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org>.

² См., например: Вельяминов Г.М. Социалистическая интеграция и международное право. Москва, 1982; *Его же*. Международное право: опыты. Москва, 2015; и др.

³ Покровский И.А. История римского права. Санкт-Петербург, 1999. С. 127.

⁴ См., например: Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. Москва, 1986.

⁵ См.: Элон М. Еврейское право / пер. с иврита А. Белова; под общ. ред. Ю.И. Козлихина. Санкт-Петербург, 2002. С. 12.

⁶ См., например: Васев И.Н. Русская крестьянская община как альтернатива концепции гражданского общества // История государства и права. 2013. № 7. С. 35-38.

⁷ См., например: Шрадер Х. Экономическая антропология. Санкт-Петербург, 1999.

⁸ См.: Лейбниц Г.В. Избранные философские сочинения. Москва, 1908. С. 98-112; Деборин А.М. Готфрид Лейбниц как социальный мыслитель // Вопросы философии. 1961. № 3. С. 56-69.

⁹ См., например: Керимов Д.А. Философские проблемы права. Москва, 1972. С. 181-194; *Его же*. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. Москва, 2011. С. 204-221.

¹⁰ См., например: Орлов В.В. Марксистская концепция материи и теории уровней // Философия пограничных проблем науки. Вып. 3. Пермь, 1970. С. 60, 61; Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. Москва, 1994. С. 98; и др.

¹¹ См., например: Novikoff A.B. (1945) The Concept of Integrative Levels and Biology. *Science*, vol. 101, 2618, pp. 131-147; Кремлянский В.И. Очерк теории интегративных уровней // Проблемы методологии системного исследования. Москва, 1970. С. 82-94; и др.

¹² См., например: Егоров А.В. Правовая интеграция и ее содержание // Государство и право. 2004. № 6. С. 74-84.

¹³ Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. Москва, 1996. С. 75-76.

¹⁴ Егоров А.В. Указ. соч. С. 79-82.

¹⁵ См.: Congressional Record (1947) 79th Congress. 2nd Session, June 30.

¹⁶ См., например: Вельяминов Г.М. Социалистическая интеграция и международное право. Москва, 1982. С. 141; *Его же*. Международное право: опыты. Москва, 2015. С. 237.

¹⁷ См., например: Курс международного права : в 7 т. / гл. ред. В.Н. Кудрявцев. Москва, 1992. Т. 7. С. 6.

¹⁸ См., например: Mitrany D.A. (1943) *Working Peace System*. London, pp. 10-15; Marks G. (1996) *Governance in the European Union*. London, pp. 5-7.

¹⁹ См., например: *Euro-Politics: Institutions and Policy Making in the European Community* (1992) / Ed. by A.M. Sbardia. London, pp. 110-112; Barnes P.M. (1995) *The Enlarged European Union*. London, pp. 4-5.

²⁰ См.: Deutsch K.W. (1968) The Impact of Communications upon International Relations Theory. In: Said A. *Theory of International Relations: The Crisis of Relevance*. London, pp. 143-145.

Поступила в редакцию 01.09.2016 г.